

Юрий Степанов

**ОТ РЕМБО «ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ».
ГРИВУАЗНАЯ ПОЭЗИЯ:
ОТ ФРАНСУА ВИЙОНА ДО ПОЛЯ ВЕРЛЕНА**

Французская национальная среда, даже если ощутить ее для начала только так, как юноша Рембо, это нечто особенное. Начать с того, что уже Франсуа Вийон, — а это XV век! — в своих «Балладах на жаргоне» (в издании Levet, 1489 г.), когда автору исполнилось 58 лет, возвещает парижский дух хорошего вина, жаркого, нескупого кошелька, хорошей драки и честных «ангелов-хранителей» (полицейских) с «их добрыми грошами, купленными на дурную болезнь» (*les angelz de mal tous rons*).

Когда культуролог Л. Сэнеан (в его румынском прошлом Л. Шэняну) задумал создать свой капитальный двухтомный труд «Язык Рабле» [Sainéan, I — 1922, II — 1923], он удачно начал с очерков типа «Естественная история», «Медицина» (Рабле был доктором медицины), «Ремесла», «Кухня», «Музыка» и т. д. И, конечно, непременно дошло до таких сюжетов, как «Вульгарные имена вещей», «Простонародная музыка», «Фривольные рассказы» («*Contes grivois*»), «*Erotica*», «Баллады Вийона» и т. п.

Вся эта раблезианская линия мощно дает себя знать во французской поэзии также в том явлении, которое уже к началу XVII в. начало становиться «французским шансоном», где устная поэзия, зачастую бесцензурная, живое авторское исполнение и нехитрое музыкальное сопровождение стали великим «простеньким» жанром. Владимир Высоцкий в России был одним из последних образцов этого нового общеевропейского явления. — «Авангарда»?

Франсуа Карадек в своем Словаре французского аргю и просторечия, названном «Не будем бояться слов» [Caradec, 1988] приводит целый ряд последовательных, столетие за столетием, французских полупоэм, полушансонов.

Марк Папийон (Marc de Papillon) (1555–1599): «Сонет. На подлинном языке бравого рубака» («*Sonnet en authentique langage soudardant*»):

Accipant du marpaut la galière pourrie,
Grivolant porte-flambe, enfille le trimart ;
Mais en dépit de Gille, ô gueux, ton girouart,
A la mette on lura ta biotte cône...

Карадек переводит: «Prenant à un pauvre type sa jument pourrie, / Soldat portaent l'épée, prends la route ; / Mais en dépit de Gille, ô gueux, ton saint patron, / Au lever du jour on verra ta bête morte...».

Наш перевод на русский: «Забрав у какого-нибудь бедняги его полудохлую клячу, / Солдат со своей шпагой пускается в путь; / Но вопреки святому Жилу, твоему покровителю (т. е. покровителю воров), / При белом свете дня твоя кляча будет уже дохой...».

Жан Вадэ (Jean Vadé) (1720–1757) — «*Bouquets poissards*» («Блатные букетики»), «*La Pipe cassée*» («Разбитая трубочка» с тремя смыслами: 1. разбитая трубка, 2. (непристойное) хороший минет, 3. отдать концы, сыграть в ящик).

Начало XIX в., по наблюдениям Ф. Карадека, не было урожайным вопреки влечению поэтов-романтиков к миру криминалитета и притона. Но все же Эжен Видок (1775–1857) (Eugène Vidocq) и Пьер-Франсуа Ласенер (P.-F. Lacenaire) (1800–1836) в своих балладах и «Мемуарах» дали образцы этого жанра.

В эту пору рядом со словом «баллада» иногда выступает «валлада» (vallade) (вероятно, чисто парижское словечко из района La Villette) или еще goulante «гуланта» «смачная песенка». У этого последнего словечка три источника — «баллада», «валлада», «гуланта». Последнее прямо родственно латинскому gula «gueule» «глотка», «пожирающее горло» и в современном французском «ta gueule!» очень грубое ругательство, сопровождаемое жестом (см. в тексте № 1 и № 2). Один из авторов этого жанра Эмиль Шотар (E. Chautard) прямо зафиксировал это в своих «Goulanges de La Villette et d'ailleurs» (1929).

Так получилось, что мы вышли во «Французский ввод», или «Французский опыт» «par la petite porte», через «непарадную дверь». Но теперь мы не последуем далее за Ф. Карадеком, а лучше отметим неизвестные ему детали, уже для нашей собственной темы — Авангарда. Но это уже Авангард Парижской Франции.

Когда русские войска вошли в Париж в 1815 г. (а солдат было много), там быстро распространились рисованные на картоне цветные порнографические открытки, изображавшие русских солдат в самом тесном общении с парижанками. Рисунки эти были совершенно того технического исполнения, (но, конечно, не содержания), что и российский лубок той же эпохи, например знаменитая партизанка 1812 года «Старостиха Василиса». (Парижские картинки все еще можно видеть — хотя, скорее, «нельзя видеть» — в закрытых фондах Третьяковской галереи). Что касается таких парижанок, то их — тогда или вскоре затем — стали называть «polka». Словарь А. Симонена, отмечая, в частности, различные непристойности аргю, фиксирует это слово еще в аргю начала XX века [Simonin, 1957].

Впрочем, не следует думать, что во Французской школе так много непристойностей. Жан Кокто в своем предисловии к упомянутому далее «Словарю» Симонена писал: «На полях писаний интеллектуалов, злосчастного племени, которое убивает королей (я чуть было не сказал: «поэтов»), появляются развязные заголовки, мало соответствующие содержанию, *тема занимает их меньше, чем способ рассказать о ней* [подчеркнуто мною. — Ю.С.], по примеру великих живописцев, для которых важна не столько их модель, сколько то, как они ею воспользовались...» [Но зато, по Ж. Кокто, мы открываем здесь] «...живой язык, в гуще нашей эпохи, полумертвой от усталости или от бесконечной беготни за совершенством наподобие белки в колесе».

MON ŒIL!

VA TE FAIRE... (BRAS D'HONNEUR)

Последним, по списку Ф. Карадека идет Аристид Брюан (Ar. Bruant) (1851–1925), самый известный «жаргонщик» (l'argotier) начала прошлого века. Он был поэтом, композитором и исполнителем в «кафе-концертах», главным образом в «Ша Нуар» (Chat Noir) — «Черная кошка» на Монмартре, с 1881 г., позднее журнал того же названия, в котором Брюан с 1885 г. стал владельцем кабаре, куда сходилась вся парижская богема слушать уже саму поэзию-песню.